

Лу Сяофэн и Хуа Маньлоу, войдя, сразу почувствовали странную атмосферу, но сначала они почтительно поклонились молодому императору. Чжу Гуй лишь фыркнул, позволив им встать, и тут же начал обсуждать с Хао Шичэнем дела, связанные со сверчками, оставив их в стороне.

Лу Сяофэн посмотрел на Хуа Маньлоу — что замышляет этот маленький тиран?

Хуа Маньлоу, хотя и не мог видеть его взгляда, интуитивно чувствовал, что он имеет в виду. Они обладали странной синхронностью, и иногда Хуа Маньлоу мог угадать мысли Лу Сяофэна.

Но, войдя вместе, он тоже не понимал, что случилось с императором, и потому взглянул на своего старшего брата.

Хуа Маньшэ с момента их появления смотрел на своего младшего брата с нежностью, словно два весенних ручья. Он выглядел здоровым, что успокаивало, и на лице старшего брата появилась улыбка, полная тепла. Если бы они не находились в императорском кабинете, он бы уже обнял его и погладил по голове.

— Лу Сяофэн! — вдруг громко крикнул Чжу Гуй, хлопнув по столу, отчего Хао Шичэнь с испугу упал на колени.

Лу Сяофэн, уставившийся на Хуа Маньлоу, резко отозвался:

— Здесь!

— Я слышал о том, что произошло в Шучжуне. Бамбуковое море Мучуань разрушено, горы обрушились, сколько людей лишились средств к существованию. Ты так решаешь дела — уничтожая всё вокруг? — Император, хоть и молод, но с характером.

Лу Сяофэн с трудом сдерживал гнев. Хорош ты, маленький тиран! Я помог тебе подавить восстание, а ты вместо благодарности сначала обвиняешь? Это что, провокация?

— Ваше Величество, Лу Сяофэн признаёт свою некомпетентность и возвращается, чтобы не утомлять Вас и не вредить Вашему здоровью.

Сказав это с достоинством, он взял Хуа Маньлоу за руку и направился к выходу.

— Вернись! — снова закричал Чжу Гуй, словно его обвинили в глупости. — Твоя некомпетентность — это твоё дело, а я вызвал тебя по своим причинам. Не нужна мне твоя самокритика!

— Ваше Величество не бойтесь, что люди скажут, что у Вас плохое зрение? — Лу Сяофэн бросил на него взгляд. Хуа Маньлоу потянул его за рукав, намекая, чтобы он сдерживался. Ведь они находились в императорском дворце.

Чжу Гуй разозлился и снова ударил по столу. Хао Шичэнь, лежа на полу, переживал за императора. Если Лу Сяофэн продолжит так говорить, у императора руки покраснеют от ударов.

— Ваше Величество, — подошёл Хуа Маньшэ, прерывая капризы Чжу Гуя, и серьёзно сказал:

— Правитель должен следить за своими словами и действиями. Как можно так вести себя с подданными? Пожалуйста, подумайте, прежде чем говорить.

Чжу Гуй покраснел, но упрямо молчал.

Лу Сяофэн и Хуа Маньлоу обменялись взглядами. Эти слова Хуа Маньшэ были действительно сильными, ведь он прямо критиковал императора.

Хао Шичэнь и другие евнухи не удивились. Хуа Маньшэ был заместителем министра церемоний и министром чиновников, а также членом академии Хуагай. Когда император был ещё наследником, он часто ругал его за игры, иногда даже целый день, не давая ему поесть.

— Кхе-кхе, — Лу Сяофэн, сам начавший этот разговор, теперь чувствовал себя виноватым, видя, как император выглядит жалко. — Господин Хуа, это я, деревенщина, был невежлив перед императором. Прошу прощения.

Сделав поклон, он незаметно потянул Хуа Маньлоу за рукав, прося его помочь.

— Ваше Величество, старший брат, зачем вы так срочно вызвали нас в столицу? — В такой ситуации лучше просто перевести разговор, и Хуа Маньлоу сделал это прямо.

Чжу Гуй резко махнул рукой, взял коробку со свертками и вышел:

— У меня нет настроения вас видеть. Убирайтесь из дворца!

...

Лу Сяофэн и Хуа Маньлоу переглянулись — что за игра?

Хуа Маньшэ слегка покачал головой, словно сожалея, но, повернувшись к Хуа Маньлоу, снова улыбнулся:

— Седьмой, ты, наверное, устал от долгой дороги. Пойдём прогуляемся в императорском саду.

— Старший брат, что случилось с императором? — В опустевшем кабинете атмосфера сразу стала более расслабленной.

Хуа Маньшэ потер виски, на его белых пальцах виднелись следы чернил, что говорило о том, как усердно он работал.

— Если нельзя спрашивать, то и не будем, — Хуа Маньлоу был понимающим и взял брата под руку. — Я слышал, ты уже несколько дней не был дома. Пойдём прогуляемся, отвлечёмся.

Хуа Маньшэ улыбнулся, и братья, болтая о пустяках, вышли.

Лу Сяофэн, оставшись позади, потер виски, подражая Хуа Маньшэ. Вот так, нашел брата и забыл обо мне? Если бы ты так же взял меня под руку, я бы, наверное, и вправду стал фениксом.

Братская любовь радовала, но неприятные события продолжались. В императорском саду Хуа Маньшэ рассказал Лу Сяофэну и Хуа Маньлоу о событиях, связанных с Павильоном Цюйцзи.

Несколько дней назад во дворце пошли слухи, что в Павильоне Цюйцзи завелись призраки. Споры продолжались несколько дней, но вчера управляющий павильоном евнух доложил, что пятьдесят больных слуг внезапно выздоровели и просят вернуться к работе.

Пятьдесят человек — ровно столько, сколько планировалось отобрать наложниц для императора.

Вернувшись в столицу, Лу Сяофэн снова оказался втянут в расследования, но, как ни странно, он уже привык к этому. Дела, расследования — они делают ум острее, чтобы в старости не стать дряхлым.

Но, хотя дело было срочным, Новый год всё же нужно было встречать с радостью. Прогуливаясь по императорскому саду, они слышали, как вокруг кипела работа.

— Кстати, старший брат, почему император вдруг решил заняться выбором наложниц? — Хуа Маньлоу стоял перед красной сливой, цветущей среди снега, и любовался её красотой.

Чжу Гую было шестнадцать лет, и с прошлого года старые министры настаивали на том, чтобы он начал готовиться к свадьбе. Но, как слышно, император выгнал их, проводя большую часть времени в компании сверчков. Императрица-мать, погружённая в буддизм, не вмешивалась, и он жил в своё удовольствие.

— Всему своё время. Нельзя позволять ему делать, что вздумается, — Хуа Маньшэ и Лу Сяофэн сидели в восьмиугольной беседке, наблюдая за Хуа Маньлоу.

— Но почему он согласился? — спросил Лу Сяофэн. — Раньше он кричал, что не хочет жениться. Что изменилось?

— Я объединился с тринадцатью министрами и подал петицию с аргументами. Что ему оставалось делать? — Господин Хуа говорил мягко, но с уверенностью.

Лу Сяофэн, вспомнив капризы императора, понял, почему тот был так раздражён. Слишком уж сильный наставник — даже император не может ему противостоять.

Хуа Маньлоу собрал снег с цветов сливы в маленький сосуд и подошёл к брату:

— Император всё же император. Не кажется ли тебе, что он воспринимает это как давление? Сопровождать правителя — всё равно что быть рядом с тигром. Тебе нужно быть осторожнее.

Хуа Маньшэ стряхнул снег с его рукава:

— Ничего страшного. Он знает, что я желаю ему добра.

Затем он сменил тему:

— Давай лучше поговорим о тебе. Что значит письмо от твоего второго брата? Почему он настаивает, чтобы я жил с тобой и не отпускал тебя ни на шаг?

... Лу Сяофэн поперхнулся чаем. Этот Второй господин Хуа был жесток!

На лице Хуа Маньлоу мелькнуло смущение:

— Второй брат слишком беспокоится. Я уже взрослый и знаю, что делаю. Ему не нужно так заботиться.

— Твой брат заботится о тебе. Разве он обычно вмешивается в чужие дела? Если бы не касалось тебя, он бы не волновался, — Хуа Маньшэ, бывший наставник наследника, умел говорить и мягко, и строго, заставляя слушать. — Что случилось? В письме он написал неясно, но использовал слово «обязательно». Что настолько серьёзно?

Хуа Маньлоу не знал, что сказать. Он не хотел скрывать от семьи, но и не считал нужным

обсуждать это. Тем более, что между ними пока ничего серьёзного не произошло, и всё шло своим чередом.

— Господин Хуа, — Лу Сяофэн, увидев выражение лица Хуа Маньлоу, понял его мысли и сам заговорил:

— Послезавтра начнётся церемония Нового года, и Вам нужно будет руководить церемонией. Может, мы с Хуа Маньлоу сначала займёмся расследованием в Павильоне Цюйцзи, а всё остальное обсудим позже?

<http://bllate.org/book/16229/1458542>